

Николай Лесков

**Сказание о Федоре-
христианине и о
друге его Абраме...**

Николай Лесков

**Сказание о Федоре-христианине
и о друге его Абраме-жидовине**

«Public Domain»

1886

Лесков Н. С.

Сказание о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине /
Н. С. Лесков — «Public Domain», 1886

Повесть эта не есть баснословие, измышленное досугом писателя. Это есть истинная история, в древние годы действительно бывшая и в давние же годы писанная рукой современного богочтителя и человеколюбца. Ныне она от старых записей взята и в новом изложении подаётся для возможного удовольствия друзей мира и человеколюбия, оскорбляемых нестерпимым дыханием братоненавидения и злопомнения.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	6
Глава третья	7
Глава четвертая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Николай Лесков

Сказание о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине

Глава первая

В греческом городе Византии, прежде чем этот город стал называться Константинополем, а у русских Царьградом, жили два соседа. Один был еврей, а другой крещеный из потаенных; еврей содержал ветхозаветную веру пророка Моисея, а крещеный разумно соблюдал свою христианскую веру. Оба соседа жили исправно, а промыслами занимались различными: еврей делал золотые и серебряные вещи, а христианин имел корабли и посылал их с товарами за море. По соседству они друг другу ничем не досаждали и имели обыкновение никогда друг с другом о вере не спорить. Кто из них в какой вере родился, тот в такой и пребывал, и свою веру перед другим не превозносил, а чужую не унижал и не порочил. Оба рассуждали так: «кому что в рассуждении веры от бога открыто, – такова, значит, воля божия». И так, они в добром согласии прожили много лет счастливо.

У обоих этих соседей было по сыну, которые родились в один год. Христианин своего сына потаенно окрестил и назвал Федором, а еврей своего, по еврейскому закону, в восьмой день обрезал и назвал его Абрамом.

Тогда в Царьграде главною верой была еще вера языческая. Христиане и евреи, которые жили между язычниками, старались себя явно не оказывать, чтобы не дразнить язычников и не накликать на себя неудовольствия. А потому, как крещение Федора, так и обрезание Абрама, отцы их сделали в домах своих без угощения, потихоньку, при одних своих близких родных.

Оба соседа, получив от бога потомство, были очень рады. Христианин говорил:

– Добрый сосед! Дай бог, чтобы сыновья наши жили между собою так же ладно, как мы между собою прожили.

И еврей сказал то же самое.

– Дай бог, сосед, но я думаю, что дети наши должны жить еще согласнее, потому что они от нас, отцов своих, имеют добрый пример, что в согласии заключается удобье и счастье, а в несогласии – всякое беспокойство и разорение.

Глава вторая

Когда мальчики, Федор и Абрам, подросли до той поры, что их стали манить совместные игры и забавы, то обе матери – и христианка, и жидовка, начали выносить на огород и сажать их вместе, чтобы они забавлялись, а большим не мешали. А огороды у еврея и у христианина были рядом бок о бок и, по тогдашней простоте, ничем не были разгорожены. Вынесет еврейка, посадит своего Абрамку – и христианка принесет своего Федю и тоже посадит его рядом на траве под большой розовый куст; надают им каких попало детских забавок, чтобы играли, а сами пойдут каждая к своим делам по домашеству. Но всегда, бывало, и одна, и другая строго-настрою детям наказывали, чтобы играли мирно и весело, как хотят, а ссориться чтобы не смели. Ежели же в чем-нибудь не сумеют поладить, то чтобы не жаловались, а сами между собою мирились.

В таком простом, но добром научении мальчики выросли и сжились друг с другом так, что любили один другого совершенно как два согласные родные брата. Даже и более, потому что между родными братьями по крови бывают иногда несогласие и зависть, а у Федора с Абрамом ничего подобного не было. Что одному было любо, то и другому нравилось. А что один из них был окрещен, а другой обрезан, – этого они совсем не знали. За занятиями и недосугами родители их оставляли им это без растолкования, да дети даже еще и не уразумели бы в своем возрасте, в чем тут разница. В невинном детском маломыслии, они вместе играли и, наигравшись вместе, обнявшись, засыпали на травке, спрятав головы под один и тот же розовый куст, в котором копошились золотые пчелки, а детей не трогали, все равно как христианина, так и жидовина.

Но вот Федор и Абрам подросли и настало время посылать их в школу. А это случилось, когда в Константинополе язычество приканчивалось и была уже объявлена главною вера христианская. Идолские капища тогда разоряли или переделывали на церкви и на городских стенах, над воротами, стали писать образа, чтобы всякий, проходя, кланялся и молился.

В эту пору многое стали заводить на иной лад, и некоторые учителя начали изъяснять высшему правительству, что христианину и еврею вместе ходить в одну школу не годится, а непременно надо разделять детей порознь, чтоб они с малолетства не смешивались, потому что будто вместе им нельзя дать согласного научения, так как у евреев главный закон веры – от Моисея, человека божия, а у других – от Христа. Мы их ветхий закон признаем, но только к нему от своего Нового Завета добавку делаем, а евреи думают, что им добавки не надо, а довольно и одно то соблюсти, что в старом законе от Моисея показано.

Глава третья

Матери Федора и Абрама не твердо разумели, что их религии подробно касается, а знали по-женски одно наружное. Знали они, например, что жидовкам в свое время надо в ванну лазить и окунуться по обязанности, а крещеным женщинам – заведено мыться только когда понадобится; или, что христианам можно есть свинину, а жидам свиное мясо запрещено и непозволено. Прочего же, что есть главное в том и в другом законе, они до тонкости не понимали и молились по-своему, каждая про себя, как была научена в детстве. Больше же всего обе они жили с тою заботой, чтобы в соседстве по домашеству им одной от другой было как можно удобнее и чтобы не оказать никакой друг другу помехи.

Старый, потаенный христианин и еврей, как настало время их мальчикам учиться, не захотели их разлучать, и чтобы в этом не было помехи, свели Федора и Абрама к одному мастеру, который и заучил их греческой грамоте.

Оба мальчика хорошо занялись и так полюбили грамоту, что рвались к ней в несытость. Мало им было того, чему в школе у мастера научатся, а они еще, как придут домой, опять и дома тоже продолжали заниматься. Как только поедят, сейчас опять сойдутся на огороде, сядут под деревцом, обоймутся и опять вместе читают – про разные страны и про разные веры. Одну за другою, много книг они прочитали, и все с хорошою памятью, так что мастер обоих их хвалил и всем другим в пример ставил. Одобрял он их и за науку, и хвалил за добронравие, так как они вышли дети тихие, согласные и ласковые.

Так Федор и Абрам росли своим родным на утешение, а посторонним в хороший пример.

Глава четвертая

Отцы и матери Федора и Абрама, каждый на своем языке и по своей вере, благодарили бога, что мальчики так умны и послушны, и радовались их согласию. В обеих семьях соседского сына привечали наравне со своим: Федор ли прибежит к Абрамовым родителям, старый еврей и еврейка были с ним ласковы, все равно как со своим, и так же точно, если Абрам приходил к товарищу, то и Федоровы отец с матерью обращались с Абрамом всегда ласково, только свининой его не угощали.

А мастер, к которому Федор и Абрам ходили учиться книжной мудрости, был грек еще старого эллинского научения и сам вышел из старинных философских школ. Его звали Панфил. Он был человек справедливый и умный и в детях старался насадить и укрепить ту же самую любовь к справедливости. Он не только учил их по книгам, но и на словах давал всем правильное наставление к жизни, чтобы никто один другого не уничижал и никто друг над другом ничем не превозносился, потому что если есть в ком что-нибудь более превосходное, чем в другом, то это в человеке не есть его собственное и им при рождении не заслужено, а от бога даром ему пожаловано. Ни красотой тела, ни природой родителей своих, ни их богатством и знатностью, ничем у Панфила ученики друг перед другом не хвастались. И через это, хотя в школе у Панфила было много детей из всего «рассеяния», то есть разных вер, но все они были приучены жить как дети одного отца, бога, создавшего небо и землю, и всяческое дыхание – еллина же и иудея.

Поучившись книжному мастерству, дети вместе шли по домам, весело между собою говоря и играя, особенно Федор с Абрамом, которые сжились, как братья. Но вдруг вышло новое повеление, чтобы школам не быть для всех вместе, по-старому, а чтобы разделиться по верам. Так и стали заводить. И тогда над всеми школами установили особый досмотр следить, чтобы дети одни с другими не мешались, и поставлены были особые смотрители, которых называли «младопитателями».

Начали младопитатели все смотреть, во все вникать и обо всем распытывать, – не только чему мастера в своих школах учат, но и что родители своим детям дома внушают. Захотели враз все переделать за единый вздох.

Один такой младопитатель утвердился над тою школой, где учились Федор с Абрамом, и начал он у Панфила спрашивать:

– Объясни мне, Панфил, как ты веруешь и какую веру превозносишь, а какую опровергаешь?

Панфил отвечал:

– Господин, произволением творца людям не одинаково явлено, во что верить, и у нас между всех есть много разных вер, и не в этом зло, а зло в том, что каждый из людей почитает одну свою веру за самую лучшую и за самую истинную, а другие без хорошего рассуждения порочит. А как я сам всех вер не знаю, то обе истины их во всей полноте судить не могу, и я потому ни одной веры против другой не унижаю и ни одну не превозношу, так как это до меня совсем не касающееся.

Младопитатель удивился.

– Зачем же, – говорит, – ты этак лукаво умствуешь? Это так нельзя.

Панфил отвечает:

– Так я, по крайней мере, ни в какую ошибку никого не ввожу.

– Что за важная вещь ошибиться? Все ошибаются – это можно покаянием исправить; но мы знаем истину и должны ее всем оказать. Надо, чтобы между людьми было по их верам разделение.

– Для этого, – отвечает Панфил, – у всякого в своей вере есть наставники, которые всех разделить постараются, а в училище я только о том забочусь, чтоб у детей в постижении разума никакого разделения не было, а больше бы крепили любовь и согласие.

Младопитатель не похвалил:

– Это, – говорит, – у тебя нехорошо от ученых рассуждений развилось. Надо так, чтобы всякий отрок от младых ногтей особо себя понимал и жил всяк по своей вере.

Мастер не согласился и сказал:

– Я этого внушать не могу.

Стали друг другу отвечать и спорить, но согласиться не могли: и у одного, и у другого на все нашлись доказательства.

Младопитатель только тем взял верх, что сказал:

– Ты меня должен слушаться: я – начальник и твои рассуждения мне знать не нужно.

Тогда Панфил ответил:

– Хорошо; если все по твоей воле должно делаться, то тебе действительно от рассудка приводить нечего; но ты помилосердуй – не понуждай меня разлучать детей. Мои ученики еще молоды и у них слабый, лысый размысл, ребячий. Когда они придут в возраст и разумом окудрявятся, тогда они сами, по своим смыслам в вере, разберутся, а пусть добрый навык согласия детского при них останется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.